

Содержание

<i>Предуведомление к новому изданию</i>	7
ГОГОЛЬ И ПАСПОРТ	11
ГОГОЛЬ И РАЙ	21
ГОГОЛЬ И ВОЗДУХ	37
ГОГОЛЬ И АД	43
ГОГОЛЬ И ПРИЗРАК ТОЧКИ	51
ГОГОЛЬ И ГОГОЛЬ	69
ГОГОЛЬ И СМЕРТЬ	105
ГОГОЛЬ И КОШКА	115
ГОГОЛЬ И ВТОРОЙ ТОМ	121
ГОГОЛЬ И БОЛЕЗНИ	131
ГОГОЛЬ И ХОРУНЖИЙ	141
ГОГОЛЬ И ЛЕТАРГИЧЕСКИЙ СОН	157
ГОГОЛЬ И ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ЧАСТИЦЫ	219

Предуведомление к новому изданию

“Тоголиана” началась для меня в то время, когда я впервые надолго уезжал в Италию. Нужно было очень тщательно отобрать книги, с которыми предстояло жить в Риме. Взгляд тут же упал на книжную полку с собранием сочинений Гоголя. Пришла мысль взять “на родину души”, как называл Италию сам Николай Васильевич, “Мертвые души”. Хотелось почитать их именно в том городе, где они лучше всего писались. Сесть на мраморные ступеньки Испанской лестницы, неподалеку от дома, где Гоголь квартировал, и зачитаться — “Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека”, — находясь в том самом “далеке”. Или за чашкой кофе в кофейне “*Greko*” на *Via Condotti*, где Гоголь был завсегдаем, открыть первую страницу поэмы: “В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка...”

Но ничего этого не случилось.

В суете сборов я по ошибке положил в чемодан вместо “Мертвых душ” последние тома с записными книжками и письмами Гоголя. Когда обнаружил это

в Италии, страшно расстроился. Однако принялся читать гоголевские записки, послания, наброски задуманных и брошенных сочинений. С этого чтения начались исследования и расследования. Поездки по чрезвычайно затейливым гоголевским маршрутам в Италии и заальпийской Европе. Поиски следов во Франкфурте и Неаполе пропавшего векселя петербургского банка Штиглица на 4 000 рублей — не полученного Гоголем гонорара за “Мертвые души”. Заводящие ум за разум выяснения, что за двойник Гоголя, хорошо знакомый самому Николаю Васильевичу, морочил головы именитым европейским банкирам, российским послам и петербургским издателям. Установление немислимых причин, по которым маленький Никоша Гоголь утопил в пруду родового поместья кошку. Изучение необъяснимых отношений Гоголя с собственным заграничным паспортом. Я как будто заново с потайного хода вошел в громадное и таинственное здание, в котором раньше казалось всё знакомым, а теперь вдруг открылись неизведанные пространства. Безнадежно заболев Гоголем, я начал писать “Тоголиану”, чтоб наконец перестать думать о нем. Перестать погружаться душой в гоголевские безумства, сумасбродства, причуды, странности — в *гоголевость*. Мне хотелось как можно быстрее закончить книгу и поставить точку. Забыть о Гоголе. О его ошеломляющих поступках, загадочных мистификациях и мистических деяниях. О том, как горела в печи рукопись второго тома “Мертвых душ”, о его слезах

после сожжения, о его невероятной смерти. Обо всем, что составляет сущность и побочные эффекты гоголевской гениальности. Забыть. Потому что длительное нахождение в силовом поле этого абсолютно отдельного человека и особого великого писателя мира оказывает слишком сильное воздействие на физическое и душевное состояние.

После того как было написано некоторое количество эссе-новелл, составивших корпус “Тоголианы”, мне какое-то время представлялось, что спасительная точка достигнута. Но вскоре стало ясно, что “Тоголиана” не может быть закончена. Это предполагает сама личность Николая Васильевича. Гоголь — непревзойденный творец персонажей. И он же — персонаж Творца. Или — иначе — уникальный персонаж “литературы”, которую создает сама жизнь. И как в любом знаменательном персонаже, в нем заключен замысел, который необходимо разгадать.

“Тоголиана” продолжена. Продолжается. Написаны новые вещи, чрезвычайно важные для понимания того, что происходило с Гоголем в жизни, в искусстве, в смерти, во сне и за гробом. И в этих вещах, как и во всех эссе-новеллах корпуса, я дал себе волю не фантазировать, не придумывать образы, похожие на реальность. В “Тоголиане” я позволяю себе эксплуатировать саму реальность. В этой книге воплощен мой принцип фантазмагии. Он прост: правда может быть более странной, чем любой вымысел.

Владислав Отрошенко

ГОГОЛЬ И ПАСПОРТ

Заграничный паспорт Гоголя, служивший ему верным залогом беспрепятственных путешествий, невыразимо любезных его загадочному сердцу, был в полном порядке всегда. Он был в полном порядке и в ту декабрьскую минуту 1846 года, когда Гоголю вдруг явилась на ум необыкновенная мысль — испросить себе у императора Николая Павловича... заграничный паспорт. Это случилось в Неаполе, в доме графини Софьи Апраксиной, где Гоголь тогда зимовал. Мысль была настолько резкой и оживляющей, что Гоголь, который уже не первый месяц бездействовал воображением, уже не первый месяц ожидал в тоскливом оцепенении удобного парохода и возвышенного расположения духа, чтобы отплыть в Палестину, к Гробу Господню, для смиренных молитв, тотчас же и с былым жаром взялся за перо.

Всемилоостивейший Государь!

Не вознегодуйте, что дерзаю возмущать маловременный отдых Ваш от многотрудных дел моей, может быть неуместной просьбой.

Так начиналось это огненное неапольское послание Гоголя о паспорте к царю Николаю I.

Царь, конечно, не мог в полной мере ощутить эту затаенную огненность — не потому, что ее скрывали громоздкие начальные слова послания; нет. Просто царь не имел ни малейшего представления о том, в каких затейливых, удивительных, до крайности необычных отношениях со своим паспортом находился во все время заграничных странствий его подданный, сочинивший “Мертвые души”. Об этом имели представление только те редкие друзья и приятели Гоголя, которым доводилось ездить с ним одним дилижансом сквозь государства Европы, да негусто расставленные по аккуратным дорогам этих государств разноязыкие трудяги-чиновники, которым случалось по долгу полицейской или пограничной службы обратиться к Гоголю с буднично вежливыми словами на своем языке: “Извольте предъявить ваш паспорт, сударь!”

Вот тут-то и сказывалась в полную силу вся необъяснимая странность отношений между Гоголем и паспортом.

Исправно скрепленный надлежащими подписями и печатями паспорт лежал у него в кармане. Гоголю нужно было только вытащить его на свет, показать полицейскому чиновнику и благополучно ехать дальше. Но Гоголь не вытаскивал и не показывал. Полицейский учтиво повторял свой запрос на ином европейском языке и с привычной терпеливостью выдерживал паузу, еще не подозре-

вая, что его ожидает. Гоголь между тем раздраженно и как бы обиженно отворачивался в сторону. И вдруг объявлял полицейскому на языке его нации самым решительным и неприязненным тоном, что никакого паспорта он ему не покажет, хотя паспорт при нем и имеется.

Полицейский уже менее учтиво и менее отстраненно, пытаясь проникнуть удивленным умом в происходящее, требовал дать ему паспорт. Но Гоголь стоял на своем. “Не дает, да и только”, — досадливо вспоминает издатель “Москвитянина” Михаил Погодин, который не раз попадал на дорогах Европы из-за паспорта Гоголя в приключение, потому что не хотел предательски обидеть друга, то есть поступить иначе, чем Гоголь, находясь у Гоголя в попутчиках. Он тоже (напряженно хмурясь и краснея) не показывал паспорт. Завязывался скандал. Пассажиры дилижанса уже слышали громкую и ядовитую брань, произносимую на местном языке. Как вдруг язык менялся; менялся и голос бранившегося человека. Звуки совершенно чуждой речи раздавались в воздухе альпийского селения. Это Гоголь говорил по-русски. И притом говорил так плавно, так задушевно и таким просительно-нежным тоном, каким произносит трепетный юноша самые ласковые извинения своей возлюбленной. Но Гоголь, конечно, не извинялся. Глядя ясными и спокойными глазами прямо в глаза полицейскому, он “на чем свет стоит”, как свидетельствует Погодин, ругал сначала самого полицейского, потом “императора австрий-

ского, его министерство”, потом “всех гонфалоньеров и подест” — словом, все высшие и высочайшие власти стран, распростершихся в окрестном мире, включая власти (военные и судебные) излюбленной Италии. Полицейского охватывало противоречивое чувство. Его одновременно и смущала и завораживала непрекращающаяся музыка слов, в которой ему слышались именно ласковые извинения. Пораженный такой резкой и беспричинной переменой в человеке, он лишь изредка и растерянно подавал тихий голос, не обращаясь уже ни к кому в особенности: “Господа... попрошу... паспорта...”. А Гоголь тем временем, не умолкая ни на мгновение, пятился к дилижансу и направлял туда же друзей-попутчиков, украдкой помахивая им за спиной ладонью. Потом он вспрыгивал на подножку, объявлял кондуктору, что можно ехать, дилижанс трогался и вскоре исчезал из пределов селения, где обескураженный чиновник, стоя на дороге, все еще нашептывал себе под нос: “Господа... паспорта...”

Было бы ошибкой заключить, что Гоголь слишком трепетно любил свой паспорт, не желая его даже выпускать из рук. Хотя на эту мысль и наводят слова Погодина, который подчеркивает, что “Гоголь ни за что на свете не хотел никому показывать своего паспорта, и его надо было клещами вытаскивать из его кармана. Он уверял меня даже что когда ездит один, то никогда не показывает пас-

порт никому по всей Европе под разными предложениями”. Всё так. Но бывали случаи, когда дело поворачивалось совершенно иначе. И об этих случаях свидетельствует сам же Погодин. Из его воспоминаний следует, что таким манером, как описано выше, Гоголь поступал тогда, когда паспорт находился при нем очень близко. “Теперь — представьте себе, — пишет Погодин, — что паспорта у него нет, что он засунул его куда-нибудь в чемодан, в книгу, в карман. Он должен, наконец, искать его, потому что мы приступаем с просьбами: надо ехать, а не пускают. Он начнет беситься, рыться, не находя его нигде, бросать все, что попадает под руку, и наконец, найдя его там, где нельзя и предполагать никакой бумаги, начнет ругать самый паспорт, за чем он туда засунулся, и кричать полицейскому: «На тебе паспорт, ешь его!»”

А далее происходило нечто и совсем уж невероятное. Как только полицейский брал паспорт в руки, Гоголь свои руки прятал за спину и теперь уже ни за что на свете не хотел брать паспорт назад — отказывался от него так гневно и так настойчиво, что, кажется, был бы очень доволен, если бы полицейский и в самом деле положил в рот, разжевал и съел негодяя.

Вот об этих-то отношениях между Гоголем и паспортом, переменчивых, страстных, непостижимых, и не знал ничего царь Николай I, на чье имя в некую минуту декабря 1846 года Гоголь при-

нялся сочинять послание о паспорте. Единственное, что мог узнать царь, справившись у министра двора графа Владимира Адлерберга или министра иностранных дел Карла Нессельроде, так это то, что паспорт у Гоголя имеется. Знал это, очевидно, и сам Гоголь. Но совершенно иной паспорт явился в ту минуту его неукротимому воображению, которое вдруг очнулось ото сна и, словно раненый великан, обрело удвоенную способность двигать любые громады. Это был паспорт необыкновенный, исполинский — не по своим размерам, а по заключенной в нем силе. Это был паспорт, затмевающий все паспорта на свете!

Послание далось Гоголю на редкость легко. Во всяком случае, оно было очень коротким и цельным. Гоголь быстро — в два предложения — перелетел вступление и, уже не скрывая огня, писал:

Я осмеливаюсь просить Ваше Императорское Величество о высочайшем повелении Вашем выдать мне паспорт на полтора года, особенный и чрезвычайный, в котором бы великим именем Вашим склонялись все власти и начальства Востока к оказанию мне покровительства во всех тех местах, где буду проходить я.

В финальных строках, по-восточному поэтичных, Гоголь с восточной же тонкостью выражал надежду, что такой паспорт волей царя возникнет в земной реальности: